

ИСТОРИЯ

УДК 903“63” + 908(4) + 908(57) + 910.2

А. Ю. Худавердян

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МИГРАЦИИ И СРЕДИЗЕМНОМОРЦЫ СИБИРИ

Предпринят многомерный краниометрический анализ 400 групп этносов с территории Евразии. На основании полученной информации проведен кластерный анализ, который показал генетические сгущения этносов, векторы сходства или различий между ними. Показан антропологический покров Евразии, сформировавшийся в ходе исключительно сложных исторических событий. Продвижение средиземноморцев на территории Евразии сопровождалось не только взаимодействием различных культурных элементов, но и смешением, распространением (иногда на значительные расстояния от их очага формирования). Подобные исследования дают новые аргументы для понимания этногенетических процессов в Евразии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнос; индоевропейские миграции; Армянское нагорье; Восточная Европа; Сибирь; бронзовый век; кластерный анализ.

Разные аспекты проблемы прародины индоевропейцев раскрыты далеко не полностью и приобретают характер оживленных дебатов и споров, не сходящих со страниц научных изданий. Абсолютно не претендуя на полную аналитическую глубину этой проблемы, остановлюсь только на нескольких существенных, с моей точки зрения, моментах. Популярностью пользуется гипотеза о западно-европейской, северопричерноморской прародине индоевропейцев [см.: Дьяконов; и др.]. С Анатолией, Закавказьем и Северной Месопотамией связывают прародину этих групп Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, В. А. Сафонов, R. D. Gray и Q. D. Atkinson и др. По мнению И. М. Дьяконова, прародина индоевропейцев с эпохи энеолита локализовалась в Европе, скорее всего в зоне между Дунаем, Рейном и Волгой, отсюда различные племена расселились на занимаемые ими территории, причем одними из первых ушли

с прародины на восток индоиранские народы, постепенно занявшие степи Казахстана и медленно продвигавшиеся на юге через Среднюю Азию. Одна группа ушла в Переднюю Азию, протоиндийцы (индоарики) достигли во второй половине II тыс. до н. э. Индии, а в конце II тыс. до н. э. в Иране расселились иранцы. Этой точки зрения придерживается Е. Е. Кузмина и др. Согласно Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванову, путь на север от окраин Иранского нагорья в Центральную и Среднюю Азию проделали хорошо знакомые с земледелием и скотоводством племена — носители будущих древне-европейских диалектов (кельто-италийских, иллирийских, германских, балто-славянских), причем последние, расселяясь по Средней Азии на территориях к востоку от Каспийского моря (и войдя также в контакты с предками сибирских народов), затем повернули на запад и к III тыс. до н. э. заняли области от приволжских степей до Северного Причерноморья; позже, уже с середины III тыс. до н. э., началось их продвижение далее — на запад, северо- и юго-запад [см.: Гамкрелидзе, Иванов, 1981]. К этим выводам наиболее близко мнение И. Н. Хлопина об иранизации северных степей с юга Средней Азии в конце III — первых веках II тыс. до н. э. По И. Н. Хлопину, этот процесс сопровождался переходом на указанных степных территориях к производящему хозяйству, распространением там навыков скотоводства, земледелия, металлургии и т. п., ибо ранее на тех же территориях обитали лишь носители неолитических культур с присваивающим типом хозяйства. В. И. Сарианиди также является сторонником гипотезы Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова.

Области, окружавшие Черное море, на определенных этапах истории оказывались в «кратере» взаимосвязей различных культур. Циркумпонтийская металлургическая провинция явилась одним из основных центров культурных взаимодействий и взаимосвязей для европейской части евразийского континента. Здесь пролегли сухопутные линии контактов между Передней Азией через Анатолию, Армянское нагорье вплоть до Кавказа и Балкан, а через Кавказ и Балканы — в Северное Причерноморье и в обратном направлении. Роль Армянского нагорья и Кавказа в древней истории Евразии была велика, что отмечалось многими исследователями. Со второй половины IV тыс. до н. э. куро-аракская и майкопская культуры сблизили ближневосточную цивилизацию с Восточной Европой [см.: Трифонов; Пустовалов; Нечитайло]. Распространение в степи изобретенных в Передней Азии колесных повозок и кибитки-дома на колесах позволило скотоводам/земледельцам легко передвигаться по степным просторам. В связи с распространением подвижного скотоводства и появлением древней металлургии степь из фактора, разделявшего этнические группы, превратилась в фактор, объединявший их в большие сообщества. Широкая полоса европейских степей в силу своих естественно-природных возможностей и благоприятных условий жизни человека, а также «циркуляции информации» способствовала интеграционным процессам культур бронзового века, формирующихся в этом пространстве. В силу подобных обстоятельств облегчились ассимиляционные процессы, обусловившие этническую пестроту населения этой территории, что

нашло отражение в большом разнообразии антропологических типов [см.: Худавердян, 2009]¹.

Результаты межгруппового статистического анализа на широком географическом и культурном фоне демонстрируют связи представителей Куро-Аракса Армянского нагорья с населением Поднепровья и Украины (Куро-Аракс: Поднепровье /трипольская культура/ 0,55; Джарат: Украина /трипольская культура/ 0,75). Для групп с территории Иранского плато также отчетливы краниологические аналогии с трипольцами (Тепе-Гиссар II: Поднепровье /трипольская культура/ 0,83; Караташ: Украина /трипольская культура/ — 0,34; Верхнее Приднестровье /Бильче-Злота/ 0,13). По В. Г. Збеновичу, «трипольские племена ассимилировали энеолитическое население кавказского происхождения, продвинувшегося в Степь» [Збенович, 130], и небольшие группы ямников. О культурно-исторических контактах трипольского населения [см.: Пассек; Мартиросян, Мнацаканян] свидетельствуют топоры-клевцы малоазийского типа, прошедшие длительный путь в Поднепровье и Украину (Веремье, Усатов) через Кавказ. На территории Армянского нагорья отдельные находки глиняных фигурок (Кюль-Тепе) находят аналогии с трипольскими [см.: Пиотровский]. Можно еще раз подчеркнуть о культурных и этнических связях в древности, об известной роли Армянского нагорья как посредника между древней областью распространения трипольской культуры и странами Востока. Мы не утверждаем, что Армянское нагорье (и Кавказ в целом) — единственный путь для таких связей. Уже установлена роль Прикарпатья как связующего звена между областью трипольской культуры, Средиземноморьем и Малой Азией. Однако и Кавказ был одним из таких посредников.

На первом месте близости у племен Куро-Аракса Армянского нагорья (суммарная мужская группа) параллель с катакомбниками Калмыкии (у женщин — на втором месте). Куро-араксская суммарная группа из Армянского нагорья имеет близкую параллель с катакомбниками из могильника Верхняя Тарасовка (Поднепровье). На первом месте у носителей Куро-Аракса с территории Грузии тяготения к катакомбникам Калмыкии. На втором месте у представителей Иранского плато (Караташ, IV—III тыс. до н. э.) аналогия с катакомбниками Калмыкии (на первом месте трипольские параллели). Хотя последние обе параллели с катакомбниками не особенно близкие, такое совпа-

¹ Обращение к этой теме было вызвано некоторыми предшествующими работами автора [см.: Худавердян, 2002; 2004; 2006; 2008], показавшими участие коренного населения Передней Азии, Армянского нагорья и Кавказа в формировании антропологического облика некоторых племен при их расселении на широком пространстве, а также желанием проследить, как глубоко уходят корни местного субстрата. Всего в анализ включено более 400 краниологических серий с территории Евразии. Группы были изучены по полной программе (три диаметра черепной коробки, ширина лба, ширина и высота лица, носа и орбиты, назомалиарный и зиго-максиллярный углы, симотический указатель и угол выступления носа) и по неполной (основные диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, ширина и высота орбиты и носа). Краниометрические данные подвергнуты каноническому анализу. Группы попарно сопоставлены с помощью обобщенного расстояния D2 Махаланобиса. Краниоскопические и одонтологические данные подвергнуты компонентному анализу. Была использована статистическая программа А. Г. и Б. А. Козинцевых (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, Санкт-Петербург).

дение едва ли случайно. Близкую связь к катакомбникам Калмыкии (суммарная группа и Элиста-Архара) демонстрирует группа Чатал Хуюка (VI—V тыс. до н. э.). Все это указывает на наличие в степи достаточно постоянной и устойчивой куро-араксской или родственной ей культурной группы, а не только временных транзитных мигрантов. Если следовать гипотезе, выдвинутой и разработанной Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым, считающими прародиной индоевропейцев области Армянского нагорья и прилегающие территории, откуда часть племен проникает в Северное Причерноморье через Кавказ, а другая — через Среднюю Азию и Поволжье, то носителей катакомбного обряда следует отнести к той части арийских племен, которые одними из первых проникают в Причерноморские степи через Кавказ (возможно, и морским путем). Хотя исследователи связывают это движение с эпохой ранней бронзы, в данный процесс вполне укладываются и катакомбники. По последним данным Е. Н. Черных, ранние катакомбники датируются началом III тыс. до н. э. [см.: Черных]. Проведенный анализ показал, что отрицать определенное участие в формировании катакомбной культуры части ямного населения нельзя (местное население почти никогда не вытесняется полностью, и какая-то часть его почти всегда входит в новую культуру). О мере этого участия можно судить по следующим данным: у носителей катакомбной культуры (Калмыкия) параллель с ямниками не Калмыкии, а более отдаленного региона — Украины и Поднепровья (следует отметить, что на первом месте у катакомбников Калмыкии параллель с джаратской выборкой, но группа очень мала, и надежность данного результата неизбежно ниже). Также к катакомбникам Калмыкии выявлены параллели с племенами культур хвалынской из Волго-Уралья и Кунда из Латвии (Звейниекс I). Откуда же прибыло катакомбное население (или его пришлый компонент)? Связать катакомбников с какой-либо определенной культурой пока не удастся, но в сложении катакомбного населения действительно участвовал средиземноморский компонент с территории Ближнего Востока и Армянского нагорья. Следует отметить отсутствие близкого сходства катакомбников с популяциями из Западной Европы.

Наличие южных комплексов было зафиксировано в Поволжье и в Южном Приуралье (племена балановской, абашевской, синташтинской и других культур) [Хохлов; Хохлов, Мимоход; Худавердян, 2009]. Можно полагать, что в эпоху бронзы в вышеуказанные области действительно проникает население, являющееся носителем средиземноморских черт. П. Н. Третьяков по поводу возникновения фатьяновской культуры отмечает очень лаконично: «По Волге и ее притокам во втором тысячелетии до н. э. в окружении рыболовно-охотничьих племен появились скотоводческие племена...» [Третьяков, 24—25]. Вопрос о возможности проникновения в Поволжье отдельных племен с территории Месопотамии и Иранского плато, через Кавказ ставился еще давно [см.: Спицын; Городцов; Марр]. Что же проясняют антропологические данные? Вслед за М. С. Акимовой и Г. Ф. Дебецем, отметим, что антропологические типы фатьяновской культуры, резко отличаясь от антропологического типа неолитической эпохи с той же территории, не могут рассматриваться как генетически связанные, что свидетельствует против теории местного происхождения

фатьяновской культуры на основе ямочно-гребенчатого неолита. Выявленное сходство представителей Поволжья с некоторыми группами Армянского нагорья, Кавказа и Передней Азии позволяет говорить, что в их основе лежал общий древний морфологический пласт. Это положение не ново, оно развивалось еще Т. А. Трофимовой. Серия черепов из Киша характеризуется долихокранией и хами-ортокранией, т. е. относительной низкоголовостью, узколицестью при большой высоте лица и узконосостью. При дискриминантном анализе выборки из могильников Среднего (Баланова) и Верхнего (носители фатьяновской культуры, поздние фатьяновцы) Поволжья образуют близкий locus с группой из Киша. Так, в Балановском могильнике выступает тот же долихокраний, низкоголовый, относительно высоколицый с узким лицом и узким носом антропологический тип. С полной отчетливостью можно отметить, что у черепов поздней группы фатьяновской культуры также выступает тот же долихокраний, узколицый, высоколицый с сильно профилированным лицом и несколько пониженным переносом антропологический тип. К отмеченным сериям близка также группа из 3-го слоя Тепе-Гиссара, которая по всем признакам строения черепа и лица бесспорно относится к тому же морфологическому средиземноморскому типу, но отличается несколько большей широконосостью. Попутно нельзя не отметить, что группа из Сиалка, датированная концом VI — началом III тыс. до н. э., морфологически близка к носителям фатьяновской культуры. Зафиксирована близость ранних фатьяновцев (мужская группа) к носителям долинской культуры из Степного Предкавказья и Поволжья (0,72). Наилближайшая связь к женской фатьяновской группе демонстрирует долинская группа (0,69), выявлены также не очень близкие параллели с криволукской группой (-1,15) и группой из Таджикистана — Тигровая Балка (1,49). Кластерный анализ выявляет у женщин из Балановского могильника параллель с представителями Таджикистана — Сумбар (0,42). Следует указать отсутствие близкого сходства между фатьяновцами и с популяциями из Западной Европы. Теперь остается замкнуть последнее звено цепи нашего анализа и остановиться на рассмотрении сходства между представителями Армянского нагорья с носителями фатьяновской культуры. Племена Куро-Аракса морфологически близки к поздним фатьяновцам: Шенгавит (0,55); суммарна группа (0,45). Результаты интеграции данных по обеим системам признаков (краниоскопия и одонтология) также демонстрируют сходство представителей Куро-Аракса и носителей фатьяновской культуры. На первом месте близости у представителей могильника Баланова (мужская группа; 1,16) параллель с носителями Куро-Аракса Армянского нагорья (Шенгавит). Следует отметить, что и у фатьяновцев фиксируется близкая связь (по сумме краниоскопических маркеров) с представителями Армянского нагорья (Черная крепость; 1,9). К фатьяновцам из Поволжья (по сумме одонтологических маркеров) очень близки племена культур крашеной керамики из Туркмении (0,14) и сапалли из Узбекистана (0,83). Все приведенные материалы показывают, что между носителями фатьяновской культуры существовала связь с южными европеоидами с территории Ближнего Востока и Армянского нагорья. Связь эта выражалась не только в культурном обмене, но и в переселении отдельных групп с юга на территорию Поволжья.

Об особом морфологическом строении черепов поволжских лесостепных серий срубной культуры, сходных с вариантами южных европеоидов упоминалось неоднократно [см.: Шевченко; Хохлов; и др.]. Срубные аналогии находятся на первом месте у большинства мужских и женских групп с территории Армянского нагорья. Эти тенденции существенны тем, что как у мужчин, так и у женщин эти связи в целом совпадают. Так, срубники Среднего Поволжья, Волго-Уралья и Башкирии демонстрируют отчетливые морфологические аналогии со средиземноморцами Армянского нагорья (Артик /♂/: Хрящевка, 0,29; Новоселки, 0,19; Артик /♀/: Съезжее, 0,78; Норадуз /♀/: Рождественно I, 0,03; Арцвакар /♂/: Старо-Ябалаклинский, 0,29; Рождественно I, 0,25; Студенцы, 0,17; Волгоградско-Астраханская область, 0,16; Арцвакар /♀/: Съезжее — 0,42; Цамакаберд /♀/: Студенцы, 0,41; Ором /♂/: Чистый Яр I, 0,63; Студенцы, 0,56; Ором /♀/: Чистый Яр I, 0,75) и Грузии (Алгети кан. /♀/: Рождественно I, 0,12; племена позднебронзового периода / этап II, ♀/: Чистый Яр I, 0,35; Рождественно I, 0,34; Самтавро /позднебронзовый период, этап I, ♀/: Уранбаш, 0,99; Студенцы, 0,53; Волго-Уралья /ранний этап/, 0,28). Для мужской группы из Тепе-Гиссар III с территории Иранского нагорья выявлена параллель со срубниками Среднего Поволжья (Рождественно I, -0,12). И у срубников Украины и Нижнего Поднепровья выявлены аналогии с представителями Армянского нагорья (Норадуз /♂/: плоские могильники, 0,06; Норадуз /♀/: белозерский этап, 0,44; Ором /♂/: плоские могильники, -0,53) и Грузии (позднебронзовый период, этап I, ♀/: белозерский этап, 0,16). Интересно также проследить связь срубников с более древним населением Армянского нагорья, Грузии, Ирана и Западной Европы. Важной представляется здесь исключительная близость носителей Куро-Аракса Армянского нагорья (суммарная мужская группа) с племенами срубной культуры из Нижнего (Кривая Лука, 0,09), Среднего Поволжья (Хрящевка, 0,16) и Подонья (Ясырев, 0,34). Что касается женской суммарной серии из могильников куро-аракской культуры, то она оказалась ближе к срубникам Нижнего Поднепровья (белозерский этап, 0,11). Для женских групп из могильников Куро-Аракса отчетливы ближайши параллели с представителями Среднего Поволжья (Джарат, 0,05) и Нижнего Поднепровья (белозерский этап: Ланджик, 0,09). Для племен Куро-Аракса из Грузии (Бедени /♀/) выявлены аналогии со срубниками Среднего Поволжья (Уранбаш, 0,17). Зафиксированы близкие связи срубников Поволжья с более древним населением Передней Азии (Рождественно: Чатал Хуюк, -0,212; Студенцы: Чатал Хуюк, 0,963; Кривая Лука: Чатал Хуюк, 0,980). Следует отметить близость женских групп из Ирана с представителями Нижнего Поднепровья (белозерский этап: Тепе-Гиссар II, -0,30) и Среднего Поволжья (Рождественно I: Хасанлу, -0,39).

Результаты анализа указывают на сходство групп с территории Средней Азии со срубниками. Так, близки к мужской группе из могильника Джаркутан (Узбекистан) срубники из плоских могильников Украины (0,29) и Среднего Поволжья (Студенцы, 0,85). Для женской джаркутанской группы также отчетливы связи со срубниками Среднего Поволжья (Рождественно I, 0,13; Уранбаш, -0,32; Студенцы, 0,99) и Нижнего Поднепровья (белозерский этап, 0,58). Выявлены параллели женской группы из Узбекистана (Сапаллитепе)

со срубниками Среднего Поволжья (Рождественно I, 0,84, Чистый Яр I, 0,93, Студенцы, 0,67) и Нижнего Поднепровья (белозерский этап, 0,39). Для женской группы из могильника Маконимор также отчетлива связь со срубниками Среднего Поволжья (Чистый Яр, 0,55). Выявлены параллели сумбарской серии к племенам срубной культуры из Нижнего (Кривая Лука, 0,27), Среднего Поволжья (Рождественно I, -0,29) и Саратовской области (-0,44). Для женской сумбарской группы выявлены связи со срубниками Нижнего Поднепровья (белозерский этап, -0,07) и Среднего Поволжья (Чистый Яр I, 0,67). Отмечены аналогии мужской группы из могильника Тигровая Балка (Таджикистан) со срубниками Подонья (Ясырев, 0,06) и Среднего Поволжья (Лузановка, -0,09). Мужская серия из могильника Ранний Тулхар проявляет сходство со срубниками Поднепровья (Чернянка и Широкое, 0,87). Для женской раннетулхарской группы наиболее отчетливы аналогии с представителями Нижнего Поднепровья (белозерский этап, -0,09), Среднего Поволжья (Студенцы, 0,09). Следует отметить близость группы из Кокча 3 с носителями срубной культуры из Башкирии (0,91), но на первом месте близости у племен тазабагыбской культуры находится связь с арцакарской группой из Армянского нагорья (0,59). Для женской группы из Кокча 3 выявлены связи с представителями Среднего Поволжья (Съезжее, 0,09; Студенцы, -0,74) и Волго-Уралья (развитый этап, 0,23). Следует указать, что срубные аналогии зафиксированы и у некоторых более ранних групп с территории Средней Азии, наиболее отчетливы — параллели со срубниками Среднего Поволжья (Рождественно: культура Намазга, 0,918; Хрящевка: культура Намазга — 0,342 (мужские группы); Чистый Яр: Карадепе, 0,16; Уранбаш: Карадепе, 0,92; Уранбаш: Алтындепе, -0,37 (женские группы)). Итак, на основе многомерного анализа краниологических серий эпох неолита и бронзы с территории Евразии обосновывается справедливость суждений А. А. Хохлова и Р. А. Мимохода о периодическом проникновении в северо-восточные районы европейской степи разных морфологических комплексов, связанных с южноевропейским антропологическим типом. У 73 % срубных групп с территории Среднего Поволжья и Волго-Уралья наиболее отчетливы краниологические аналогии со средиземноморцами Армянского нагорья, Передней Азии, Кавказа и Средней Азии. Можно предположить, что корни части срубного населения скорее всего находятся в Закавказье и на Ближнем Востоке. Выявлены также близкие связи срубников Волго-Уралья с некоторыми группами из Западной Европы.

Специфику процессов исторического развития в Сибирском регионе определили несколько причин, среди которых следует указать следующие: благоприятные условия для присваивающего и производящего хозяйства, крупные миграционные потоки населения по открытым пространствам, многообразие этнокультурных образований и т. д. На первом месте близости у елунинцев Горного Алтая параллель с племенами куро-араксской культуры Армянского нагорья (Шенгавит, 1,72). Выявлены также аналогии с группами из Грузии (куро-араксская, 2,66) и Азербайджана (Мингечаур, 2,58). С другой стороны, анализ по неполному набору признаков выявляет параллели елунинцев на территории Поднепровья (трипольская культура, 0,78) и Польши (культура

шнуровой керамики, группа I, 1,67; группа II, 2,56). Результаты кластерного анализа указывают на родство андроновского населения Северо-Восточного Казахстана с носителями культур энеолита и ранней бронзы Северного Кавказа (0,12) и с представителями Армянского нагорья (Арцвакар, 0,58), однако на первом месте находится связь с группой потаповского культурного типа из Волго-Уралья (0,005). Для женской андроновской группы отчетливы связи с алакульцами Западного Казахстана (-0,07), с мингечаурцами Азербайджана (-0,31), с тазабагьябцами из Южного Приаралья (-0,43). Близки к алакульцам Западного Казахстана носители ямной культуры из Украины (0,82) и энеолита и ранней бронзы из Северного Кавказа (-0,89). Зафиксированы ближайшие параллели носителей федоровской культуры из Горного и лесостепного Алтая (мужские группы) с этническими группами Калмыкии (катакомбная культура, 0,06), Армянского нагорья (Арцвакар, -0,18) и Волго-Уралья (ямно-полтавкинского времени, 0,36). Женская федоровская группа из Минусинской котловины имеет параллели с группами Дагестана (Гинчи, -0,16), Таджикистана (Тигровая Балка, -0,19) и Армянского нагорья (Цамакаберд, 0,49). Верхнеобская федоровская группа (Фирсова XIV) очень близка к катакомбникам Калмыкии (Элиста-Архара, -0,05 и суммарная серия, 0,06), к представителям Волго-Уралья (ямно-полтавкинского времени, 0,43) и Армянского нагорья (Арцвакар, 0,57; Джарат, 1,06). Женская федоровская серия (Фирсова XIV) имеет аналогии с группами Тигровая Балка (-0,52), Ранний Тулхар (0,44), Тумек-Кичиджик (0,18) и Кокча 3 (-0,02). Федоровская мужская группа из Кузнецкой котловины имеет тяготение к представителям Армянского нагорья (Джарат, -0,95; Арцвакар, 0,69). Женская федоровская суммарная серия из Верхнего Приобья имеет аналогии с племенами Азербайджана (Мингечаур, 0,31) и Таджикистана (Тигровая Балка, 0,39). Племена Куро-Аракса Армянского нагорья (1,2) по комплексу одонтологических маркеров демонстрируют ближайшие связи с носителями андроновской культуры из Южной Сибири. Андроновские аналогии находятся на первом месте и у представителей Гонур Депе (Приобье, 0,55; Кузнецкая котловина, 1,44).

Итак, антропологический покров Евразии сформировался в ходе исключительно сложных исторических событий. Представители Сибири входят в средиземноморский (антропологический «южный») кластер, что служит свидетельством того, что и в эпоху бронзы и раннего железа градиент средиземноморских черт ощутим в Северной Евразии. Однако система этногенетически и эволюционно взаимосвязанных групп шире². Кластерный анализ позволил выявить краниологические серии, имеющие ближайшее сходство по комплексу краниометрических, краниоскопических и одонтологических признаков с представителями южноевропеоидного населения Армянского нагорья, Кавказа, Передней и Центральной Азии. Южноевропеоидная морфологическая

² В нашу задачу не входит интерпретация общей картины кластеризации палеоантропологического материала, происходящего из всех ареалов историко-культурных общностей Евразии, составляющего более 400 краниологических серий и вобравшего в себя всю изменчивость этого конгломерата населения.

составляющая, выявляемая в составе населения отдельных археологических культур эпохи бронзы и раннего железного века Восточной Европы и Сибири, происходит из одного источника. Данные палеоантропологии соответствуют в целом концепции В. В. Боброва о «блоке» родственных сибирских культур, формирующихся на разной субстратной основе под воздействием общего культурного компонента южного происхождения, появившегося в результате миграции населения. Появление этих морфологически несколько различающихся южноевропейских вариантов следует связывать не с одним миграционным потоком. Его исходным или одним из промежуточных районов, в наибольшей степени фиксируемых с помощью антропологических данных, является Армянское нагорье (и Кавказ в целом). Столь широкий ареал расселения средиземноморцев в древности легко объяснить демографическим давлением, исходившим из переднеазиатских центров возникновения и развития производящего хозяйства. Вскрытый нами антропологический факт имеет и историческую основу, поскольку распространение генетических признаков связано с переселением и смешением племен, сопровождающимся конкретными историко-культурными явлениями.

Акимова М. С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры : антропол. сб. // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 1. М., 1947. С. 268—282.

Бобров В. В. К проблеме миграции европеоидного населения на территории Южной Сибири в сейминскую эпоху. Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул, 1994.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ, 1981. № 2. С. 25—33.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы : в 2 т. Тбилиси, 1984.

Городцов В. А. Бытовая археология. М., 1910.

Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России : отчет Ист. музея за 1914 г. М., 1915.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 4. М. ; Л., 1948.

Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3. С. 3—30; № 4. С. 11—25.

Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.

Кузмина Е. Е. Арии — путь на юг. М. ; СПб., 2008.

Март Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы. Чуваши-яфетиды на Волге. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. Скифский язык // Избр. работы. Т. 5. М., 1935.

Мартirosян А. А., Мнацаканян А. О. Приереванский клад древней бронзы // Краткие сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та археологии АН СССР. 1973. Вып. 134. С. 122—127.

Нечитайло А. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991.

Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений // МИА. 1949. № 10.

Пиотровский Б. Б. Поселения медного века в Армении // Сов. археология. 1949. Вып. 11. С. 176—180.

Пустовалов С. Ж. Развитие скотоводческой экономики в Северном Причерноморье в эпоху неолита — поздней бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.) : материалы III междунар. конф. Тирасполь, 2002. С. 101—104.

Сарианиди В. И. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. Т. 2. М., 2008. С. 9—27.

Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

Спицын А. А. Медный век в Верхнем Поволжье. СПб, 1903.

Третьяков П. Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья : (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края). Л., 1991. С. 92—166.

Трофимова Т. А. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры // Сов. этнография. 1949. № 3. С. 37—73.

Хлопин И. Н. Проблемы происхождения культуры степной бронзы // Краткие сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та археологии АН СССР. 1970. Вып. 122. С. 54—68.

Хохлов А. А. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Ч. 2. М., 2000. С. 217—242.

Хохлов А. А., Мимоход Р. А. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестн. антропологии. 2008. Вып. 16. С. 44—70.

Худавердян А. Ю. Сравнительный анализ антропологических материалов эпохи ранней бронзы Армении и территорий Евразийского региона // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (IV тыс. до н. э. — IV в. н. э.) : [материалы] III междунар. науч. конф. Тирасполь, 2002. С. 104—107.

Худавердян А. Ю. К вопросу о древнем населении Кавказа и Евразии в эпоху ранней бронзы // Междунар. науч. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» : сб. крат. содержания докл. Тбилиси, 2004. С. 134—135.

Худавердян А. Ю. Закономерности географической изменчивости краниологических признаков на территории Кавказа, Передней и Средней Азии, Европы, Индии и Северной Африки в эпоху ранней бронзы // Ширакский центр арменоведческих исследований : науч. тр. Вып. 9. Гюмри, 2006. С. 18—23.

Худавердян А. Ю. Древнейшие общности Армянского нагорья, Кавказа, Европы, Передней и Средней Азии, Сибири — о диалоге миров (по данным одонтологии) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. 1. М., 2008. С. 361—364.

Худавердян А. Ю. Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. Этногенез и этническая история. Ереван, 2009.

Черных Е. Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36—53.

Шевченко А. В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986. С. 121—215.

Gray R. D., Atkinson Q. D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origins // Nature. 2003. Vol. 426, N 6965. P. 435—439.

Schwidetzky I., Rusing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. 1990. Bd. 40, H. 1/2. S. 4—45.

Статья поступила в редакцию 14.05.2010 г.